Редактор (на которого ложится доля ответственности и за ошибки переводчика), к сожалению, неверно оценивает домыслы Майяни. Он пишет, в частности: «Книга З. Майяни „Этруски начинают говорить“, несомненно, одна из самых интересных книг по этрускологии среди большой литературы, появившейся за последние десятилетия. Она вносит весьма серьезный вклад в науку именно тем, что на очень широком лингвистическом материале демонстрирует связь этрусского языка с утраченным иллирийским, на котором говорило древнее население северо-западной части Балканского полуострова» и далее: «Она интересна не только лингвисту, но и историку и искусствоведу» (стр. 3—4). Редактору же принадлежит весьма длинное и непонятное объяснение специальности автора: «Майяни по своей основной специальности лингвист-востоковед, изучавший древние семитические (принято: семитские.— *А. К., В. Н.*) и индоевропейские *языки на переднеазиатской и, в частности на малоазийской почве* (там же, курсив наш.— *А. К., В. Н.*).

Однако тот факт, что в русское издание книги не вошел раздел о связях древнего албанского языка с кавказскими, заставляет нас сказать и доброе слово по адресу редактора.

Явной нелепостью построений Майяни объясняется и отсутствие критических разборов его книги за рубежом. Лишь известный западногерманский этрусколог А. Пфиффиг дал в нескольких словах уничтожающую характеристику методам Майяни [4].

Книга «Этруски начинают говорить», изданная на превосходной бумаге, в цветной суперобложке, стоимостью 1 р. 32 к., уже разошлась, что свидетельствует об интересе советских читателей к этой проблеме. Но в этой хорошо оформленной книге читатель не найдет ни дешифровки, ни даже элементарных сведений по истории, религии и искусству этрусков. Крохи информации тонут в массе домыслов, сдобренных сомнительным юмором.

Хотелось бы, чтобы впредь книги для перевода отбирались более тщательно.

А. А. Королев, В. П. Назаров

[4] См. «Glotta», 1965, Heft 3/4, стр. 332.

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ · МОСКВА · 1968

ПРИЛОЖЕНИЕ

ISOCRATIS

ORATIONES

ИСОКРАТ

РЕЧИ

*

ПЕРЕВОД
ПОД РЕДАКЦИЕЙ

К. М. КОЛОБОВОЙ

(Продолжение)

XIII. ПРОТИВ СОФИСТОВ*

Речь «Против софистов» — одна из ранних эпидейктических речей Исократа (написана около 390 г. до н. э.). Это — программное произведение Исократа, с которым он выступил после того как, оставив практическую деятельность логографа и открыв собственную школу, целиком посвятил себя преподаванию и теоретической разработке ораторского искусства.

Речь носит полемический характер и направлена против всей тогдашней софистической науки — против философов, исследующих и преподающих отвлеченные истины (§ 1—8), и против риторов (§ 9 сл.), как тех, кто наставляет в ораторском искусстве теперь (§ 9—18), так и тех, кто составлял руководства по риторике в прежнее время (§ 19 сл.). Критика перемежается с изложением собственных взглядов на задачи риторического образования, однако важнейший тезис о том, что занятие красноречием может стать решающим фактором морального и политического воспитания, остается вопреки обещанию, данному в конце речи (§ 22), нераскрытым. Речь заканчивается именно этим обещанием, обрываясь как бы на полуслове, из чего можно сделать вывод, что конец речи не сохранился (мнение А. Оже, Фр. Бласса, Э. Дрерупа [1]). Впрочем, существует и другое мнение,— на наш взгляд, менее обоснованное,— что речь дошла до нас целиком: она должна была служить введением к прочим лекциям Исократа, и ответом на поставленный в конце речи вопрос должен был явиться весь курс обучения в целом (мнение У. Виламовица-Мёллендорфа, К. Мюншера, Ж. Матье [2]).

Как бы там ни было, значение речи «Против софистов» очевидно. Она позволяет судить о взглядах Исократа на задачи той высшей науки, той особой «философии», представителем которой он считал себя. Наука эта служит целям практического, морального и политического воспитания; риторика — прежде всего искусство политического красноречия — является важнейшим средством, с помощью которого эта наука достигает своей цели. Причудливое, безусловно эклектическое, но вместе с тем достаточно гибкое сочетание элементов риторики и софистики — вот суть этой науки, вполне соответствовавшей деятельности самого Исократа, полуритора-полусофиста, чье призвание составляла собственно политическая публицистика. Сам Исократ придавал большое значение этой речи и позднее ссылался на нее при изложении своих «философских» взглядов (см., в частности, XV, 193 сл.).

---

* Перевод Э. Д. Фролова.

[1] См. Isocratis opera omnia, ed. Ath. Auger, III, Parisiis, 1782, стр. 1 сл.; Fr. Blass, Die attische Beredsamkeit, II², Lpz, 1892, стр. 240 сл.; Isocratis opera omnia, rec. E. Drerup, I, Lipsiae, 1906, стр. CXXIX сл.

[2] См. U. v. Wilamowitz-Möllendorff, Aristoteles und Athen, I, B., 1893, стр. 320, прим. 12; K. Münscher, Die Isokratesüberlieferung, «Philologus», LVIII, 1899, стр. 96—101; Isocrate, Discours, texte établi et traduit par J. Mathieu et E. Bremond, I, P., 1928, стр. 140 сл.

СОДЕРЖАНИЕ, СОСТАВЛЕННОЕ НЕИЗВЕСТНЫМ ГРАММАТИКОМ

Эта речь в большей степени, чем какая-либо другая, относится к числу наиболее искусных произведений Исократа: в ней он разобрал почти все ораторское искусство. Действительно, в этой речи он показывает нам, каким должен быть ученик и каким — учитель. Он разделяет свою речь на две части, посвященные соответственно эристической философии [3] и политической добродетели, т. е. риторике; при этом он хочет изобличить тех, кто несправедливо причисляется к специалистам в этих областях. Сначала он говорит об эристиках, а затем о занимающихся политическим красноречием. Последних он подразделяет на две группы: на тех, кто берется учить, не зная своего предмета, и на тех, кто составляет руководства по риторике, также не обладая необходимыми знаниями. Некоторые пытались установить, по какой причине он составил эту речь таким образом, что она содержит одни лишь нападки на этих людей. Кое-кто ссылался в оправдание Исократа на причину, о которой мы уже упоминали, а именно: что ему досадил Аристотель тем, что отобрал у него ученика по имени Феодект [4]. Однако нетрудно заметить, насколько глупо это объяснение. Ведь Исократ направляет свою речь не только против философов, но равным образом и против риторов. Поэтому истинной причиной было, по-видимому, не что иное, как следующее: в то время, к которому относится эта речь, Исократ мог видеть множество людей, с поразительной легкостью кидавшихся составлять руководства по риторике, бравшихся учить тому, чего они не знали, и извращавших истину. Поэтому-то и речь у него озаглавлена «Против софистов», причем имеются в виду не просто те, кто занимается ремеслом софиста, но вообще все, кто извращает истину. Дело в том, что это слово употребляется у древних в трояком смысле. Так, например, они называют мудростью (σοφόν) самое истину и красоту. Отсюда и Платон называет любомудрием (φιλόσοφον) первопричину, любящую самое истину и красоту; поэтому и человек, изучающий философию, заимствует отсюда свое название — постольку, поскольку он сам подражает богу по мере возможности. С другой стороны, они называют софистом самого ритора, обучающего ораторским приемам. Наконец, они называют софистом всякого, кто извращает истину; о них именно Исократ и говорит теперь. Некоторые пытались также установить, почему сама эта речь, если только правильно ее считать одной из четырех похвальных речей (ἐγκωμίων) [5], озаглавлена «П р о т и в софистов» и содержит порицание, будучи не столько словом з а кого-либо, что̀ именно и составляет особенность похвальной речи, сколько словом п р о т и в. Мы думаем, что если посмотреть, к какому виду речей возводится и порицание, и похвала,— а они могут быть возведены к одному и тому же виду торжественного красноречия,— то причина будет ясна. Ведь это родство с похвальной речью, а также то обстоятельство, что порицание подразделяется на те же разделы, что и похвала, привели к тому, что и порицание называется похвальной речью в о б р а т н о м с м ы с л е. А если спросят: почему же эта речь не относится к судебному виду красноречия, коль скоро она содержит нападки? — то мы ответим: потому что она не произносилась в суде и в ней не определялось наказание.

---

[3] Эристиками (букв. «спорщиками») называли некоторых философов (особенно Мегарской школы) за их увлечение искусством спора в ущерб истинно научному методу — диалектике (см. D i o g. L., II, 106; см. также P. N a t o r p, Eristiker, RE, VI, 1909, стб. 467).

[4] Ср. составленное этим же грамматиком «Жизнеописание Исократа», где среди прочих учеников оратора упоминается и Феодект.

[5] Имеются в виду следующие речи Исократа: «Эвагор» (IX), «Похвала Елене» (X), «Бусирис» (XI) и «Против софистов» (XIII).

(1) Если бы все те, кто берется воспитывать других, старались говорить правду и воздерживались от обещаний, выходящих за пределы того, что они в состоянии исполнить, то, естественно, они не пользовались бы дурной славой у простых людей. Теперь же смелость, с которой некоторые лица предаются необдуманному хвастовству, привела к тому, что действия тех, кто предпочитает нисколько не заботиться о своем образовании, кажутся исполненными большего смысла, чем поступки людей, специально занимающихся философией [6].

И прежде всего, кто не проникнется одновременно ненавистью и презрением к тем, кто наставляет других в искусстве спора [7]? Эти люди делают вид, что стремятся к истине, а между тем уже в самом начале своих обещаний начинают лгать. (2) Ибо, я думаю, для всех совершенно очевидно, что предвидеть будущее не свойственно нашей натуре; наоборот, мы настолько далеки от того, чтобы обладать такими способностями, что даже Гомер, который снискал величайшую славу за свою мудрость, изобразил в ряде случаев, как сами боги совещаются о будущем,— не потому, что он знал об их замыслах, но потому, что хотел показать нам, что для людей эта область — одна из недоступных. (3) Между тем эти люди дошли до такой наглости, что пытаются убедить молодых людей в том, то если они станут их учениками, то будут знать, как надо поступать, и благодря этому знанию добьются счастья. При этом, выставляя себя учителями и хозяевами столь ценных знаний, они не стыдятся запрашивать за них всего лишь по три или по четыре мины [8]. (4) Однако если бы они стали продавать какие-нибудь другие вещи за незначительную часть стоимости, то им бы и в голову не пришло оспаривать, что они поступают неразумно. Теперь же, оценивая так недорого всю совокупную добродетель и счастье человека, они выдают себя за разумных людей и претендуют на то, чтобы быть учителями других. При этом они заявляют, что ничуть не нуждаются в деньгах, с презрением называя богатство «жалким серебром» и «жалким золотом», а сами ради ничтожной прибыли чуть ли не бессмертными обещают сделать своих учеников. Но самое смешное — это то, (5) что людям, от которых они должны получить плату, они не доверяют, хотя эти люди — те самые, кого им предстоит научить справедливости. Наоборот, тех, чьими учителями они никогда и не были,— тех они заставляют ручаться за выплату денег, которые им будут должны ученики. Конечно, таким образом они проявляют мудрую заботу о своих интересах, однако при этом вступают в противоречие с собственной программой. (6) Ведь для тех, кто занимается преподаванием каких-либо других наук, естественно проявлять тщательную предусмотрительность в столь важном вопросе, ибо ничто не мешает людям, ставшим искусными в каком-либо ином отношении, оказаться нечестными в своих обязательствах перед учителем. Однако разве не нелепо такое положение, когда люди, внушающие другим понятие о добродетели и скромности, не доверяют прежде всего своим собственным ученикам? Ведь надо думать, что те, кто покажет себя людьми высокой нравственности и порядочности в отношениях с другими, никак уж не погрешат против тех, благодаря кому они стали такими людьми. (7) Поэтому когда некоторые из простых людей, раздумывая над всем этим, замечают, что те, кто обучает мудрости и наделяет других счастьем, сами во многом нуждаются и от учеников своих полу-

---

[6] О понятии «философия» у Исократа см. прим. [7] к I речи (ВДИ, 1965, № 3, стр. 214 сл.), а также введение к настоящей речи.

[7] Речь идет о представителях эристической философии.

[8] Сравнительно небольшой гонорар; Горгий брал за курс обучения 100 мин (Suid., s. v. Γοργίας = H. D i e l s, Die Fragmente der Vorsokratiker, II[9], B., 1959, 82 (76), A 2), Исократ — 10 мин (P s.- P l u t., Vitae X or., IV, 12, 30; Incerti grammatici Vita Isocr., init.).

чают жалкую плату, что они выискивают противоречия в словах, а в делах их не замечают [9], что вдобавок они претендуют на знание будущего, (8) а о настоящем не могут ни сказать, ни посоветовать ничего дельного, что, напротив, те, кто руководствуется общепринятыми мнениями, более согласны друг с другом и чаще добиваются успеха, чем те, кто громко заявляет об обладании знанием [10],— тогда вполне естественно, на мой взгляд, что эти люди проникаются презрением к такого ряда занятиям и считают их праздной и пустой болтовней, а не заботой о душе.

(9) Однако порицания заслуживают не только эти наставники, но и те, кто обещает научить политическому красноречию. Ведь они тоже нисколько не заботятся об истине, но считают, что в том и состоит их наука, если они ничтожностью платы и грандиозностью обещаний привлекут к себе как можно больше учеников и смогут что-нибудь получить от них. Они настолько глупы сами и так убеждены в глупости других, что, составляя речи хуже, чем это делают некоторые из неспециалистов, все же обещают сделать своих учеников такими искусными ораторами, что от их внимания не ускользнет при разборе дела ничего существенного. (10) При этом в вопросе о приобретении такой способности они не придают никакого значения ни опыту, ни природным дарованиям ученика, но утверждают, что искусство красноречия они смогут передать все равно что знание алфавита. И все это — даже не выяснив, в чем состоит существо каждой из этих двух дисциплин, а просто в уверенности, что пышные обещания и им самим принесут уважение людей, и преподавание красноречия сделают занятием более почтенным, того и не ведая, что возвеличению любых искусств способствуют не те, у кого хватает смелости хвастаться ими, а те, кто в состоянии постичь все существенное, что заключено в каждом из этих искусств.

(11) Я, со своей стороны, отдал бы великие сокровища за то, чтобы занятие философией таило бы в себе такие возможности, о каких говорят эти люди: быть может, и мы не намного отстали бы здесь от других и немалую пользу извлекли бы для себя от этих занятий. Поскольку, однако, дело обстоит не так, я хотел бы, чтобы эти люди перестали нести вздор, ибо я вижу, что хула обрушивается не только на тех, кто придерживается таких ошибочных взглядов, но одновременно поношению подвергаются и все прочие, кто посвящает себя такого рода занятиям.

(12) Я поражаюсь, когда вижу учеников у тех, кто, сам не замечая того, проводит сопоставления между творческим видом деятельности и раз и навсегда установленным приемом. Ведь кто, кроме этих людей, не знает, что буквы неизменны и всегда остаются теми же самыми, так что мы постоянно пользуемся одними и теми же обозначениями для одних и тех же вещей, тогда как с речами все обстоит совершенно иначе, ибо сказанное одним не является столь же пригодным для следующего оратора, но как раз наоборот, тот именно и считается наиболее искусным, кто говорит так, как того требует дело, и, однако, умеет находить выражения, еще не использованные другими. (13) Величайшим же признаком несхожести этих двух предметов является следующее: речи не могут быть составленными хорошо, если они не

---

[9] Примерно в том же обвиняет современных ему софистов и Ксенофонт (ср. X е п., Сур., 13, 6).

[10] Этот выпад по адресу философов, претендующих на обладание истинным знанием, повторяется и в других речах Исократа (ср. XII, 9; XV, 184 и 262). Оратор придерживается взгляда, прямо противоположного взгляду Платона, который неоднократно подчеркивал, какое глубокое различие существует между «мнением» (δόξα), хотя бы и «правильным» (ἀληθὴς δόξα), и «знанием» (ἐπιστήμη). Критика, которой Исократ подвергает эристическую философию, распространяется, таким образом, и на Платона.

соответствуют обстоятельствам, не приспособлены к теме и не отличаются новизною, тогда как от букв ничего подобного не требуется. Поэтому людям, проводящим такого рода сопоставления, с бóльшим основанием следовало бы уплачивать деньги, нежели получать их, потому что они берутся наставлять других, хотя сами еще нуждаются в длительном обучении.

(14) Однако справедливость требует, чтобы я не только осуждал других, но и высказал собственное мнение. В таком случае, я думаю, все рассудительные люди согласятся с тем, что многие из занимавшихся философией всю жизнь оставались простыми людьми, тогда как некоторые другие, никогда не знавшиеся ни с кем из софистов, становились искусными ораторами и политическими деятелями. Ибо способность к ораторской деятельности и ко всяким другим занятиям присуща прежде всего тем, кто одарен от природы и кто достаточно много занимался этим на практике. (15) Обучение же делает таких людей более искусными и более изобретательными, ибо оно дает им возможность быстрее находить то, на что раньше они натыкались случайно, после долгих блужданий. Напротив, людей сравнительно менее одаренных обучение не сможет сделать хорошими спорщиками или составителями речей, хотя, конечно, оно будет способствовать их личному совершенствованию и сможет сделать их более разумными во многих отношениях. (16) Впрочем, коль скоро я углубился в этот вопрос, я хотел бы еще яснее высказать свое мнение. Я утверждаю, что овладеть знанием общих приемов, с помощью которых мы произносим и составляем все вообще речи, не является делом чересчур трудным, если только мы отдадим себя в руки не тех, кто дает легкомысленные обещания, а тех, кто действительно обладает какими-то знаниями в этой области. Однако выбрать для каждого сюжета те именно приемы, какие нужно, сочетать их между собой и применить в надлежащем порядке, кроме того, не ошибиться в оценке обстоятельств, расцветить всю речь соответствующими случаю рассуждениями и изложить их в соразмерных и изящных выражениях — (17) все это требует огромной заботы и является делом сильного и проницательного ума. Надо, чтобы ученик обладал необходимыми природными качествами, а кроме того изучил виды речей и приобрел опыт в их использовании. Со своей стороны, учитель должен быть в состоянии тщательно разобрать все эти вопросы так, чтобы не упустить ничего такого, что может быть преподано; в остальном он должен сам являть собою такой пример, (18) чтобы все сформировавшиеся в его школе и обладающие даром подражания сразу же выделялись среди других яркостью и прелестью своих речей. Если налицо будут все эти условия, то занимающиеся философией несомненно достигнут совершенства; однако если какое-нибудь из указанных требований останется невыполненным, то неизбежно в этом отношении ученики окажутся хуже подготовленными [11].

(19) Итак, что касается софистов нового поколения, которые лишь недавно выступили со своими хвастливыми заявлениями, то, какие бы чудеса они сейчас ни сулили, все они, я уверен, рано или поздно придут к принятию этих положений. Однако нам остается еще сказать о тех, кто жил раньше нас и кто имел смелость составлять нак называемые «Руководства» [12]: их тоже нельзя оставить без порицания. Эти люди давали обещания научить судиться, выбрав, таким образом, для своей науки из всех названий самое неприятное — такое, какое пристало употреблять врагам, а не побор-

---

[11] Этот абзац (§ 14—18) цитируется в более поздней речи «Об обмене состоянием» (XV, 194).

[12] В подлиннике — τὰς καλουμένας τέχνας. Имеются в виду руководства по риторике, обычным названием которых было «Τέχνη ῥητορική» или просто «Τέχνη». вторами первых таких трудов по теории красноречия были старшие софисты — Протагор, Корак, Тисий, Горгий, Фрасимах, а также оратор Антифонт.

никам столь важной формы воспитания. (20) А между тем речь шла о таком искусстве, которое — в той степени, в какой оно может быть преподано,— могло оказаться полезным не только для судебных выступлений, но, ничуть не меньше, и для всех других видов красноречия. Однако те софисты были намного хуже даже нынешних специалистов по спорам [13]. Эти последние, хотя и занимаются рассуждениями столь жалкого свойства, что любая попытка применить их на практике тотчас ввергла бы всякого в неисчислимые беды, все же обещают таким путем научить добродетели и целомудрию; те же, наоборот, хотя и призывали к занятию политическим красноречием, в действительности относились с полным пренебрежением к тому ценному, что присуще этому предмету, и становились учителями одной лишь пронырливости и стяжательства [14].

(21) Между тем всем, кто пожелал бы следовать предначертаниям этой философии, она могла бы помочь в достижении нравственного совершенства еще скорее, чем в овладении ораторским искусством. Разумеется, не надо думать, что я придерживаюсь того взгляда, будто бы справедливости можно научить [15]. Я считаю, что вообще нет никакого такого искусства, которое могло бы привить целомудрие и справедливость людям с плохими задатками к добродетели. Тем не менее я думаю, что занятие политическим красноречием более всего могло бы побудить человека к выработке в себе таких качеств.

(22) Однако, чтобы не показалось, что я только чужие обещания склонен опровергать, а сам выставляю утверждения столь же невероятные, я намерен — и думаю, что это будет нетрудно,— показать и другим те основания, вследствие которых я сам пришел к таким убеждениям.

(*Конец речи не сохранился*)

---

[13] Т. е. эристиков, о которых уже говорилось выше (см. § 1—8).

[14] Анализируя руководства по риторике, написанные в прежние времена, Аристотель также упрекает их авторов в том, что они все внимание уделяют судебным речам, совершенно игнорируя другой и более важный вид красноречия — выступления перед народом (Aristot., Rhet., I, 1, p. 1354 b 22 сл.).

[15] Таким образом, Исократ придерживается совершенно иных взглядов, чем Сократ и Платон (ср. в особенности платоновский диалог «Протагор»).